

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

СЕНЦОВСКАГО

(БАРОНА ФРАЙФЕУСА)

ТОМЪ СЕДЬМОЙ

РБ3361.533.А1.1858(7)

Confined to Library

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ,

1859

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

МОНГОЛО-ТУРКОВЪ.

По поводу изданія: *Библиотека Восточныхъ Историковъ. Часть первая: Шейбаниада, исторія Монголо-Турковъ, на джагатайскомъ діалектѣ, съ переводомъ, примѣчаніями и приложеніями. И. Березина, Казань, 1849.*

Авторъ рѣшился посвятить свое трудолюбіе обширному и чрезвычайно занимательному предпріятію — составленію цѣлой *Библиотеки Восточныхъ Историковъ*, которыхъ сказанія могутъ быть полезными къ проясненію и пополненію нашей отечественной исторіи, такъ тѣсно связанной съ людьми и событіями Востока. Въ этомъ первомъ томѣ ученый казанскій ориенталистъ предлагаетъ, для начала, открытую имъ въ азіатскомъ музеѣ Императорской Академіи Наукъ «Книгу о Шибакевичахъ», или сказаніе о родѣ Шибакъ-Хана, иначе Шейбани-Хана, *Шейбани намэ*, которую назвалъ онъ *Шейбаниадой* и *исторіей Монголо-Турковъ*. Оба эти названія, конечно, несвойственны содержанію *джагатайской* или бухарско-татарской рукописи, изданной имъ, текстъ съ переводомъ, очень старательно, по образцу

лучшихъ классическихъ изданій, съ превосходными примѣчаніями по части филологической критики, съ особенными разсужденіями о главнѣйшихъ историческихъ вопросахъ, относящихся къ предмету, съ родословными таблицами, реестрами именъ и словъ, и прочая.

Во-первыхъ, это—не *Шейбаниада*, ни въ серіозномъ, нивъ насмѣшливомъ смыслѣ подобнаго слова.— не поэма въ родѣ «Иліады», «Энеиды», «Лузіады», «Генриады», «Аргениды» или «Телемахиды»,— не условнаго вида эпопея, и не народная рапсодія. Простая родословная потомковъ Шейбани-Хана, внука Чингисхана и меньшаго брата Батыева, написанная дурной прозой, на грубомъ нарѣчій и безграмотнымъ перомъ, безспорно, не заслуживала, ни такой чести, ни такого сарказма. Но, послѣ *Дербендъ-намэ*, или «Книги о Дербендѣ», прозванной господиномъ Березинымъ *Дербендиадою*, это уже не столько поразительно: мы знаемъ, что «путешественникъ по Востоку» не можетъ говорить о вѣщныхъ предметахъ безъ особеннаго расположенія къ шутливости, къ насмѣшкѣ, къ карикатурѣ.

Во-вторыхъ, это не *Исторія Монголо-Турковъ* или *Турковъ*, а сокращенное, изъ другихъ, давно и совершенно извѣстныхъ исторій, очень неисправное и неискусное начертаніе происхожденія великаго героя монгольской степи, Темуджина Чингисхана, и происхожденія отъ него, черезъ одного изъ изъ внуковъ, основателя нынѣшней узбекской державы въ Бухаріи и Хивѣ.

Этотъ предводитель горсти буйнаго степнаго

сброта нѣсколькихъ сборныхъ улусовъ, отложившихся отъ распавшейся и уже истлѣвающей Золотой Орды, лѣтъ сто послѣ Тохтамыша въ исходѣ пятнадцатаго столѣтія, носилъ въ Киргизской Степи имя *Шайбакъ*, или *Шибакъ-Ханъ*. Оно было, какъ кажется, очень обыкновеннымъ именемъ между Татарами царствъ астраханскаго и казанскаго: это видно изъ сохраняющихся донынѣ прозваній *Шобаковичъ*, *Шобакевичъ*, *Шобаковскій*, весьма несма нерѣдкихъ между потомками Тохтамышевыхъ Татаръ, добровольно бѣжавшихъ въ Литву, или взятыхъ военнымъ путемъ и поселенныхъ тамъ насильно литовскими государями, которые многимъ изъ нихъ даровали впоследствии права дворянства. Когда Европа праздновала изгнаніе бусурманъ изъ Испаніи и дивилась чуднымъ разсказамъ объ открытіи Новаго свѣта, съ золотыми городами, съ алмазными горами, съ фруктовыми деревьями, на которыхъ вмѣсто яблокъ родятся красныя дѣвицы, Средняя Азія трепетала передъ непоэтическимъ, пошлымъ именемъ одного изъ такихъ *Шобаковъ*, страшнаго наѣздника, грабителя, завоевателя, вдругъ нахлынувшего съ толпами хищныхъ головорѣзовъ, неслыханныхъ дотогѣ людей турецкой породы, на промышленную и цвѣтущую Бухарію, на Харазмъ, или нынѣшнее хивинское владѣніе, на Хорасанъ и Кандагаръ. Эти люди называли себя *Узъ-беками*, что значитъ *сами себя господа*.

Степь была въ то время наполнена вольными «гусями», гусаками, или, по-словацки, гусарами, *казакъ*, сбродомъ разныхъ кочующихъ хищниковъ,

обломками разстроенныхъ поколѣній, ускользнувшими изъ-подъ власти двухъ великихъ монгольскихъ ордъ, тогда уже пришедшихъ въ совершенный упадокъ, Кипчацкой или Золотой Орды, удѣла потомковъ Джучія, старшаго сына Чингисхана, Джагатайской или Синея, удѣла втораго Чингисханова сына, Джагатая. Эти шайки, вскорѣ сдѣлавшіяся корнями многочисленныхъ поколѣній большаго нынче народа Киргизъ-Казаковъ, бродяжничали и разбойничали въ пустынь — что учтивѣе называлось у нихъ: жить вольнымъ гусемъ, гусарить, *казакламакъ* — слово, которое Баберь-шахъ много разъ употребляетъ въ своихъ запискахъ — подъ предводительствомъ независимыхъ бековъ, готовыхъ въ случаѣ особенныхъ удачъ и приобрѣтенія власти надъ сосѣдами, тотчасъ принять титулъ ханскій и чваниться происхожденіемъ отъ *кости* Джучія, основателя Золотой Орды, отца Батыя и Шейбана.

Шибакъ принадлежалъ къ разряду такихъ же удалцовъ. Впрочемъ уже дѣдъ его Абульхайръ пользовался извѣстностью и нѣкоторымъ значеніемъ въ степи, какъ начальникъ особеннаго рода вольныхъ «гусей», именовавшихся Узбеками. Уже Абульхайръ величалъ себя ханомъ, и властвовалъ надъ нѣсколькими поколѣніями, или улусами. Въ какой степени принадлежалъ онъ къ царственному дому Батыя, это рѣшить очень трудно. Можно даже, безъ большаго грѣха передъ исторіей, принять за фактъ, совершенно правдоподобный по коренной невѣрности степныхъ родовыхъ сказаній, что онъ вовсе не принадлежалъ къ этому дому,

ни прямо, ни косвенно. Но когда его внукъ, Шибакъ-Ханъ, овладѣлъ Зарѣчьемъ, то есть Бухаріей и Хивою, и простеръ завоеванія свои по южную сторону рѣки Аму, до Герата и Мерва, грамотные льстецы двора грознаго Узбека должны были придумать благопристойную, если не блестящую, родословную, которая новаго татарскаго владыку связала бы по-крайней-мѣрѣ съ знатною «костью» Чингисхана. При этомъ случаѣ, по обыкновенію Востока, имя его *Шибакъ* подверглось страшной корнесловной пыткѣ въ рукахъ узбекскихъ и сартскихъ этимологовъ. *Шибакъ* явственно—сокращеніе двухъ словъ, *шейхъ* или *шихъ*, и *Ибакъ*, имени довольно употребительнаго у тогдашнихъ Татаръ, подобно тому какъ *Шихматъ*—сокращеніе словъ *шейхъ* *Ахматъ*. Настоящее названіе Шибакъ-хана тѣмъ вѣроятнѣе было *шейхъ* *Ибакъ*, что и отецъ Абульхайра, прадѣдъ Шибакъ, *шейхъ* *Девлетъ*, лицо впрочемъ совершенно темное, носилъ тотъ же титулъ, *шейхъ*, болѣе мусульманскій чѣмъ политическій. Но такая простая этимологія недостойна была остроумія бухарскихъ улемовъ и муншіевъ. Одни утверждали, что *Шибакъ* есть исковерканное татарскимъ или, какъ г. Березинъ называетъ, «тюрскимъ» произношеніемъ персидское составное слово *Шахъ-бахтъ*, «государь благополучіе», и вмѣсто *Шибакъ* стали писать полною прописью *Шахбахтъ*. Другіе нашли гораздо приличнѣе видѣть въ словѣ *Шибакъ* измѣненіе слова *Шибанъ* или *Шейбанъ*, имени одного изъ младшихъ братьевъ Батыя. По ихъ авторитету, вмѣсто *Шибакъ*, многіе смѣло писали *Шибани* или *Шейбани-Ханъ*; а тамъ уже не-

большаго труда стоило придумать десятокъ никому неизвѣстныхъ предковъ, для связанія рода Шибани-Хана съ братомъ владыки Золотой Орды. Во всякомъ случаѣ, усиліе вывести степнаго Шибакъ отъ Шейбана, царевича Золотой Орды, показываетъ чрезвычайную сомнительность породы узбекскаго завоевателя, когда честолюбіе его удовлетворялось происхожденіемъ отъ одной изъ младшихъ линій дома Джучія и Батыя, линіи невластѣтельной, отдѣленной отъ ханскаго престола пятнадцатью или двадцатью колѣнами и, слѣдственно, перешедшей уже въ разрядъ обыкновеннаго дворянства.

Книга о родѣ Шейбани, *Шейбани-намэ*, или, по переводу г. Березина, *Шейбаниада*, грубая и ничтожная компиляція, составленная вскорѣ послѣ смерти Шибакъ-Хана, не представляетъ другой цѣли, какъ доказать это скромное происхожденіе, которымъ, видно, очень дорожили при узбекскомъ дворѣ, не имѣя въ виду ничего лучшаго. Для бѣдшей пышности дѣла, родословная—потому-что это чисто и существенно простая родословная одного только княжескаго рода Киргизской Степи, а не *исторія Монголо-Турковъ*—начинается по мусульманскому обычаю съ Ноя и Гафета, чтобы перейти отъ нихъ къ Чингисхану, а черезъ него къ Джучію, Батью и царевичу Шибану. Отъ этого, *reg fas et nefas*, плетется она къ Абульхайру, дѣду Шибакъ, и поспѣшно оканчивается смертью узбекскаго героя въ сраженіи съ Персіянами, не войдя даже въ подробности объ его личныхъ подвигахъ или о событіяхъ его царствованія.

Для меня сомнительно, можно ли даже сказать, что «Книга о родѣ Шейбани» писана на *джагатайскомъ діалектѣ*. Если выраженіе «*джагатайскій діалектъ*» должно означать тотъ татарскій діалектъ обширнаго турецкаго языка, на которомъ говорили Турки, пришедшіе и поселившіеся на Зарѣчьѣ съ Джагатаемъ — который употреблялся при дворахъ государей отъ его рода въ Ташкентѣ, Самаркандѣ, Ургенджѣ, Гератѣ, Балхѣ — на которомъ писали Алиширъ и Баберъ-шахъ, то «Книга о родѣ Шейбани» вовсе не принадлежитъ къ литературѣ этого діалекта, довольно образованнаго и обдѣланнаго. Эти Турки ушли съ Баберомъ или за нимъ отъ узбекской грозы въ Кабулъ и Индію, гдѣ геній его создалъ для нихъ новую державу, знаменитую имперію Великаго Монгола. Они унесли съ собою и свой джагатайскій діалектъ, на которомъ Баберъ сочинялъ въ Дегли Записки, достойныя стоять на ряду съ «Комментаріями Юлія Цезаря» и, въ историческомъ, географическомъ, этнографическомъ отношеніяхъ, несравненно важнѣе «Меморіала Острова Святой Елены». Юртъ, или удѣлъ Джагатая, былъ разоренъ, уничтоженъ, разсѣянъ новыми пришельцами. Въ Зарѣчьѣ, отъ береговъ Сыра до Аму, мѣсто джагатайскаго діалекта занялъ діалектъ Узбековъ, людей явственно чуждыхъ Джагатайской Ордѣ, когда ихъ предводители выводили себя отъ царевича Кипчакской или Золотой Орды. «Книга о родѣ Шейбани» писана, слѣдственно, не на *джагатайскомъ діалектѣ*, а просто на узбекскомъ или, если угодно, на *кипчакскомъ*, по названію удѣла, изъ котораго вы-

шелъ этотъ діалектъ. Это, въ грубомъ зародышѣ, тотъ же самый діалектъ, на которомъ впослѣдствіи писалъ хивинскій ханъ Абулгази, Узбекъ, натертый персидскою образованностью и изяснявшійся на языкѣ, уже болѣе усовершенствованномъ. Во всякомъ случаѣ, языкъ «Книги о родѣ Шейбани» далеко не языкъ поэта Алишира и не языкъ полководца Бабера.

Какъ исторія Монголовъ или, на крайній конецъ, Турковъ, то есть Татаръ—въ этомъ осмѣлюсь я существенно разногласить съ мнѣніемъ ученаго казанскаго оріенталиста—«Книга о родѣ Шейбани» не имѣетъ рѣшительно никакой важности, ни малѣйшаго лѣтописнаго или историческаго интереса. Но она очень любопытна по одному качеству своему, которое, когда я назову его, можетъ изумить г. Березина, ищущаго въ ней положительной исторіи. Она очень любопытна какъ образчикъ баснословія, какъ отрывокъ миеологіи Монголо-Турковъ; и я думаю, что съ одной этой стороны она заслуживала вниманія нашего оріенталиста, какъ издателя и какъ комментатора. Лица дочингисханова времени, которыя кажутся ему историческими, рѣшительно всѣ баснословны, и потому-то именно важны они для исторіи: баснословность ихъ чрезвычайно характеристическая и можетъ подать поводъ къ весьма занимательнымъ сближеніямъ. Баснословіе вообще—исторія древняго міра, и въ этомъ отношеніи оно едва-ли не поучительнѣе исторіи людей, которой понапрасну въ ней искали и ищутъ любители фактовъ, увлекающаяся новѣйшими понятіями объ ихъ важности для

человѣческаго ума или звѣнія и упорно не примѣчая того, что фактами первобытные народы вовсе не дорожили и не занимались. Идея, и ея символъ, вотъ въ чемъ состояла вся ихъ забота. Это они передавали изъ рода въ родъ, рассказывали и называли исторіею.

«Книга о родѣ Шейбани» такъ коротка, и баснословіе ея такъ интересно, что мы готовы пересказать нашимъ читателямъ всю эту исторію *Моголо-Турковъ*, не опасаясь наскучить имъ пошлостями степной дѣйствительности.

Издатель сомнѣвается, нужно ли объяснить значенія собственныхъ именъ въ переводѣ первобытныхъ преданій. Но не объясняя ихъ значенія, вводя въ переводный рассказъ подлинныя термины мало извѣстныхъ языковъ, представляя глазамъ слова, не имѣющія для иностранца никакого яснаго смысла, нѣтъ ничего легче какъ придать самой забавной баснѣ важный видъ настоящей исторіи и добровольно обмануть читателя. Всякій изъ насъ готовъ добродушно повѣрить дѣйствительности странно называемыхъ лицъ и смѣло относимыхъ къ нимъ событій, если намъ скажутъ глухо, какъ сказано въ переводѣ господина Березина, что первымъ царемъ Дешта, то есть, большой за-алтайской степи, лежащей между Китаемъ и Восточной Сибирью, былъ нѣкто по-имени Диббакуй-Ханъ, послѣ котораго царствовали тамъ Кара-Ханъ, великій Окусъ-Ханъ, мудрый Гунъ-Ханъ, Ай-Ханъ, Кукъ-Ханъ, Тингизъ-Ханъ, Тагъ-Ханъ, Иль-Ханъ, и другіе. Между-тѣмъ, если взглянуть въ прямыя значенія этихъ именъ, оказы-

вается, что это не люди, а идеи и предметы, не история, а родъ космогоніи, монголо-турское степное символическое ученіе о порядкѣ міротворенія. Переложивъ эти непонятные звуки на соответствующіе имъ русскіе, читателю, вмѣсто сухой и невозможной исторіи, вдругъ открывается цѣлый рядъ оригинальныхъ, наивныхъ, любопытныхъ идей и соображеній за-алтайскихъ мудрецовъ о вопросахъ величайшей важности для человѣчества, о происхожденіи міра и человѣка. Онъ узнаетъ, что, по ихъ мнѣнію, первымъ владыкою той пустынной страны былъ не Диббакуй-Ханъ, но царь Дно-видѣцъ, который проникъ взоромъ до глубины вещей, все видитъ, все знаетъ, все предусмотрѣлъ и предусмотрѣлъ для блага будущихъ кочующихъ людей. Онъ-то, говорили они, опредѣлилъ заранѣе законъ и порядокъ всему, правила царствованія, основанія суда и правды, право имущества и собственности, и уставъ о наследствѣ. А въ уставѣ томъ опредѣлилъ такъ, что «все имѣніе, нажитое отцомъ и матерью, отдавать дочери сполна, а сыну не давать ничего, кромѣ сабли, да сказать ему: Ну, да тебѣ дру-гаго добра и не нужно! такое учинилъ опредѣленіе. Да еще установилъ, что мясо надо ѣсть «съ солью», чтобы живота себѣ не испортить. Да опять установилъ и то благое изобрѣтеніе, что для защиты отъ ненастья и стужи надо жить въ палаткахъ, выдумалъ искусство строить кибитки, юрты, и назначилъ порядокъ учрежденія улусовъ. Проживши въ Великой Степи двѣсти сорокъ лѣтъ, четыре полныхъ цикла, этогъ добрый владыка

удалился на тотъ свѣтъ, и владѣніе свое отказалъ старшему сыну, Черному-Князю, злему духу, который много нагадилъ въ Великой Степи. Все зло, голодъ, болѣзни, скотскій падежъ, смерть, всѣ бѣды и несчастія — изобрѣтеніе и уставъ Чернаго-Князя, или *Кара-Хана*, который впрочемъ былъ отличный богатырь, славный наѣздникъ, и успѣшно велъ войны съ сосѣдями.

Замѣтимъ безотлагательно, что буддійскіе и мусульманскіе собиратели старинныхъ сказаній за-алтайской степи, послѣ Чингисхана, исказили ихъ совершенно своими идеями, толкованіями и прибавками. Легенды о Кара-Ханѣ, пересказываемыя ими, очень разнообразны, смотря по смыслу, который каждый изъ нихъ приписывалъ его имени. Если угодно, это имя можетъ, между прочимъ, значить *Сунь-Царь*, или *Материкъ-Царь*. Но для меня почти несомнѣнно, что въ первобытномъ сказаніи Кара-Ханъ представлялъ просто Чернаго-Князя и былъ олицетвореніемъ злаго начала, явившагося на землѣ вслѣдъ за добрымъ началомъ, за царемъ Дновидцемъ. Это вполне подходитъ и подъ шаманскую теорію дуализма. Здѣсь не мѣсто входить въ этимологію и филологическія изслѣдованія. Я принужденъ только указывать бѣгло на положительно ясныя или на самыя вѣроятныя значенія собственныхъ именъ этихъ преданій. Но не могу не обратить вниманія ученаго казанскаго оріенталиста на то обстоятельство, что рѣшительно нѣтъ никакой нужды, при опредѣленіи этихъ именъ, предпочитать формы монгольскія формамъ турецкимъ. Двѣ трети всего числа

ихъ, отъ Диббакуя до Бузанджара, одного изъ непосредственныхъ предковъ Чингисхана, явственно и несомнѣнно взяты изъ турецкихъ нарѣчій: слѣдовательно, и остальная треть должна быть также турецкая.

Азійско-европейскій материкъ, отъ дальнихъ береговъ Тихаго Океана почти до нашего Кіева, прорѣзанъ посерединѣ огромною пустынею, которая естественно раздѣляется на три большія степи: за-алтайскую, ограниченную съ трехъ сторонъ горами, а съ четвертой моремъ; туранскую, къ которой принадлежатъ весь киргизскій край и все Зарѣчье, то есть, Бухарія и Хива, до Каспійскаго Моря; и, наконецъ, черноморскую. Между-тѣмъ какъ черноморская степь покрыта богатѣйшею растительностью, за исключеніемъ деревьевъ, которыя по геологическому устройству почвы никогда здѣсь не росли и расти не могутъ, а средняя, или туранская, орошена во всю длину двумя величественными рѣками, Сыромъ и Аму, и усѣяна плодоносными оазисами, первая, самая восточная, то есть, за-алтайская степь лишена всѣхъ этихъ преимуществъ. Самая природа обрекла ее на вѣчное отсутствіе гражданственности, на постоянную нищету, дикость и варварство. Одинъ только западный край этой печальной страны, уже на рубежѣ болѣе счастливаго Турана, составляетъ нѣкоторое изъятіе изъ общаго ея неблагоприятнаго характера, и здѣсь-то, въ областяхъ Кашгара, Хотена, Яркенда, еще въ глубокой древности возникли города, учредилась выгодная торговля. Три племени искони кочевали въ этой об-

ширной степи — съ восточнаго края, отъ моря, племя маньджурское, посредникъ монгольское, у западной оконечности турецкое — три племени разноязычныя, но между-тѣмъ точно такъ же родственныя, какъ въ нашей сторонѣ племена славянское, германское, кельтское и греко-латинское. Принято, не знаю почему, называть эти три вѣтви одного огромнаго ствола, монгольскою породою. Я скорѣе назвалъ бы ихъ турецкою. Безспорно, изъ трехъ племенъ, самое важное, самое многочисленное и даже самое способное къ умственному развитію — племя турецкое или, пожалуй, *туркское*. Граница съ туранскою степью, обильною оазисами и городами, несравненно прежде двухъ прочихъ племенъ оно приняло участіе въ гражданственности, построило города на чертѣ капгаро-хотенскихъ оазисовъ, вело торговлю, знало грамоту. Издревле вторгалось оно большими массами въ туранскую степь, переходило съ одной стороны за *рѣку*, за Оксъ или Аму, въ Персію, въ Кабуль и Индію, а съ другой достигало нерѣдко до черноморской степи и до римскихъ провинцій. Если въ за-алтайской степи до Чингисхана, и до буддизма, существовалъ какой-нибудь слѣдъ грамотности, гражданственности, умственнаго развитія, то естественнымъ проводникомъ этихъ благъ могло быть только племя турецкое, какъ удобнѣе всѣхъ прочихъ поселившееся и, относительно, самое образованное. Если кто-либо могъ тамъ философствовать, составлять сказанія, творить или сообщать отвлеченныя теоріи о мірозданіи, такъ конечно Турки, и отпечатокъ ихъ языка долженъ

преимущественно отражаться на всѣхъ за-алтайскихъ преданіяхъ, по самой необходимости. Это мы и видимъ. Нынѣшній алфавитъ монгольскій и маньджурскій, и прежній турецкій, называемый уйгурскимъ, какъ происходящій явственно отъ старо-персидскихъ системъ письма, не могъ проникнуть въ за-алтайскую степь иначе какъ черезъ турецкія руки. Примѣчательно, что тупоуміе племень этой степи, усиливающееся постепенно отъ запада къ востоку, воспрепятствовало монгольскому и маньджурскому племенамъ принять первыя начала образованности отъ ближайшихъ сосѣдей своихъ, Китайцевъ. Тогда-какъ отдаленная Японія приняла китайскую систему письменъ, ни Монголы ни Маньджуры никогда не могли понять и усвоить ея, и, несмотря на тѣсныя и непрерывныя связи Степи съ Поднебесною Имперіей, которая то властвовала надъ нею, то подвергалась ея владычеству, эти люди переняли у Китайцевъ только извѣстныя политическія церемоніи и житейскія моды. Письменности ждали они отъ Запада, и получили ее изъ туранскаго края, черезъ своихъ земляковъ, Турковъ.

Въ за-алтайской степи, какъ и въ прочихъ двухъ степяхъ, попеременно являлись герои то въ томъ, то въ другомъ племени и учреждались сильныя династіи, то турецкаго, то монгольскаго, то маньджурскаго происхожденія. Эти династіи, возникавшія вдругъ въ которомъ-нибудь поколѣніи одного изъ трехъ племень, покоряли своей власти не только все свое племя, но и одно или два остальныхъ племена. Изъ такой смѣси народовъ учрежда-

лись подъ ихъ властью общіе трехъ-язычные народы, огромныя разноплеменные державы. Заимствованное у Китайцевъ, очень древнее обыкновеніе, именовать державу и всѣ ея народы именемъ, обдуманно принятымъ ея династіей, сдѣлались причиною почти полнаго затмѣнія исторіи Степи. Мы знаемъ изъ разныхъ источниковъ довольно большое число названій державъ, существовавшихъ тамъ втеченіи трехъ тысячъ лѣтъ; но какъ все это только имена династій, а не народовъ или племенъ, то чрезвычайно трудно рѣшить нынче, какого происхожденія была такая-то династія, и которое собственно племя властвовало въ данное время надъ прочими. При династіи Чингисхана, которая дала себѣ прозваніе *Монголь*, Сердитая, вся ея держава называлась Сердитою, *Монголь*. Всѣ подвластные ей народы, и соплеменники Чингисхана, и инородцы, то есть маньджурскія и турецкія поколѣнія, и наконецъ еще Китайцы, одинаково были Сердитыми, одинаково *Монголами*, по степной терминологіи. Между-тѣмъ, Китайцы, которые, подобно древнимъ Грекамъ, не любятъ чужеземныхъ терминовъ и при всякой возможности перелагаютъ ихъ на звуки своего языка, слово это *Монголь* перевели у себя словомъ *Юань*, представляющимъ тотъ же самый смыслъ, *Сердитые*. Во все владычество Чингисхановой династіи, у нихъ, и Китай, и настоящая Монголія, и нынѣшняя Маньджурія, и Туркистанъ, безъ различія именовались *Юань*. Къ счастью, какъ это ближайшая къ намъ династія по времени, то мы съ достовѣрностью знаемъ, которое именно племя

было тутъ господствующимъ. Но если бы многіе улусы этой державы не пришли въ соприкосновеніе съ Западомъ или пришли въ вѣкъ болѣе безграмотный, то родимое племя Чингисхана и главное орудіе его могущества навѣрное остались бы загадкой для исторіи. Видя, что потомки воиновъ его при Волгѣ, при Сырѣ и при Аму, говорятъ турецкими нарѣчіями, мы скорѣе всего были бы убѣждены, что Чингисханъ происходилъ изъ Турковъ и что *Монголь* означаетъ собственно турецкое племя. По нашимъ ученымъ понятіямъ, мы говоримъ, что *Китай* — вѣчное государство, что *Китайцы*, какъ народъ, существуютъ неизмѣнно и неподвижно отъ временъ потопа донынѣ. Но для пекинскихъ докторовъ философіи и исторіи, это — нестерпимые парадоксы. Для нихъ нѣтъ ни постоянного Китая, ни даже опредѣленнаго китайскаго племени. И земля и племя разъ двадцать перемѣняли названіе, и каждый разъ именовались новымъ офиціальнымъ именемъ вновь водворившейся династіи. При династіи Чингисхана эта земля называлась *Юань*, и другаго названія себѣ не знала. Послѣ того, подѣ туземной династіей, называлась она *Минь*. Теперь, подѣ династіей пришлецовъ съ восточной оконечности заалтайской степи, называется она *Цинь*. Династія эта приняла для себя тибетское прозвище *Маньджу*, что значитъ Чистая: такъ теперь и все племя, изъ котораго она происходитъ, называетъ себя Маньджурами, *Маньджу* — а дотога называлось оно иначе — и прежніе *Монголы*, ея подданные, уже не Монголы, а *Маньджу*, и Турки за-

алтайской степи изъ *Монолъ* переобразились въ *Маньджу*, и самый Китай для Степи тоже *Маньджу*. А какъ этотъ титулъ переведенъ офиціально въ Пекинѣ словомъ *Цинъ*, которое также значить Чистый, то для Китайцевъ теперь, и ихъ собственная земля, и прежняя Монголія, и нынѣшняя Маньджурія, и Туркистанъ, все — *Цинъ*, все — Чистое. Всѣ они прежде были «Сердитые», а теперь стали «Чистые», впредь до распоряженія новой династіи.

Собственно, монгольское племя, у себя, относительно къ языку, называется *Бедэ*, турецкое *Туркъ*, китайское *Хань*, маньджурское — не знаю какъ.

При такомъ политическомъ обыкновеніи, при этой непрерывной переработкѣ разнородныхъ племенъ въ сложные народы, всякій разъ иначе прозывающіеся, само собою разумѣется, что отдѣльныхъ племенныхъ преданій или сказаній тутъ быть не можетъ. Все должно быть общее, все переливалось изъ того языка въ другой и обратно, все, имена и событія, было взаимно передаваемо, переводимо и передѣлываемо. Отсюда, въ сказаніяхъ, которыя выдаютъ за коренныя монгольскія, мы видимъ смѣсь собственныхъ именъ, заимствованныхъ изъ трехъ языковъ Дешта, то есть Степи, но, собственно, какъ и должно быть, число турецкихъ именъ преобладаетъ, потому что это племя имѣло всегда преимущество нѣкоторой образованности и оно держало рѣчь и перо за безграмотныхъ.

Извѣстно, что Монголы, то есть Сердитые,

пришедшіе съ полководцами Чингисхана въ степи туранскую и черноморскую, называемы были также Татарами. Извѣстно также, что и въ Джагатайской Ордѣ, въ Туранѣ, и въ Золотой, у насъ, господствующимъ языкомъ былъ турецкій, а подлинный монгольскій служилъ только для перемоніяльныхъ фразъ и офиціальныхъ надписей, и то не долго, особенно въ Золотой Ордѣ. Онъ былъ вытѣсненъ скоро турецкими нарѣчіями, которыя, отъ обычая называть этихъ Монголовъ Татарами, стали извѣстны у насъ подъ именемъ татарскихъ. Много споровъ происходило въ ученой Европѣ о началѣ и настоящемъ смыслѣ слова *Татаръ*. Слово *татама*, которое представляетъ звуковое сходство со словомъ *Татаръ*, значить *дань*. Но нельзя сказать утвердительно, что *татаръ* значить поэтому — *данникъ*. *Татаръ* такъ же легко можетъ происходить отъ *татама*, какъ и *татама* отъ *татаръ*, и даже два слова могутъ не имѣть никакой связи между собою. Нѣтъ надобности разбирать разныя мнѣнія. Самымъ естественнымъ и болѣе прочихъ вѣроподобнымъ заключеніемъ кажется то, что слово *татаръ* не имѣло никогда опредѣленнаго смысла, и что оно соотвѣтствуетъ въ нѣкоторой степени древнему классическому *варвары*, старинному славянскому *Нѣмцы*, арабскому *Аджемі*, русскому *иностранцы*, и было въ Степи примѣняемо всѣми ко всѣмъ. Когда династія бывала монгольская и господствующимъ народомъ монгольское племя, то Татарами называли они подвластныхъ себѣ Маньджуровъ и Турковъ. При турецкой династіи, въ Татаръ обращались

Маньджуры и Монголы; при маньджурской — Монголы и Турки. Такимъ образомъ всё поочередно бывали Татарами. Французскіе и англійскіе оріенталисты согласились, всё три племена, монгольское, маньджурское и турецкое, называть безъ различія, однимъ общимъ терминомъ, Tartares, Tatars. Это обыкновеніе, для насъ нѣсколько странное, въ нѣкоторомъ отношеніи основательно.

Но три племени за-алтайской степи, порода столь различная отъ нашей западной породы и образованіемъ черепа и логикою рѣчи, еще въ до-историческое время пустили отъ себя, черезъ Алтай, къ сѣверу и въ востоку, многочисленныя и громадныя вѣтви, которыя очень давно распространились по всей Сибири, до Ледовитаго Океана, и даже по всей сѣверной Европѣ, до Лапландіи и до устьевъ Нѣмана. Это — такъ-называемое *финское племя*, племя переродившееся въ другихъ климатахъ и отъ смѣшенія съ другими людьми, бѣльшею частью поблекшее въ снѣгахъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и обмельчавшее отъ стужи и рыбной пищи. Между-тѣмъ какъ чистая за-алтайская порода считаетъ черные волосы кореннымъ своимъ признакомъ, бѣльшая часть финскихъ поколѣній почти бѣловолосыя и лицомъ въ наше время едва-ли разнятся примѣтно съ западною породою. Но по языкамъ, и по особенной логикѣ рѣчи, буквально противоположной логикѣ рѣчи западной породы, она безспорно принадлежитъ къ за-алтайскому корню. Если племена маньджурское, монгольское и турецкое — собственно *Черныя Татары*, то финское племя должно назвать *Бѣлы-*

ми Татарами. Однако, не всё финскіе народы, которые по языкамъ своимъ кажутся истеченіемъ преимущественно турецкаго племени, полиняли до такой степени на чужбинѣ. Маляры, Угры, или Венгры, неоспоримо финское поколѣніе, были въ средніе вѣка, и остались донинѣ, существенно черноволосыми. Въ послѣднее время утверждали, что бискайскій языкъ, въ сѣверной Испаніи, принадлежитъ къ семейству финскихъ языковъ. Если это заключеніе основательно, то за-алтайская или восточно-азійская мелко-глазая порода была бы даже источникомъ древнѣйшаго, первобытнаго народонаселенія Европы, еще до пришествія и размноженія въ ней азійско-западной породы, которую обыкновенно называютъ кавказскою, но собственно слѣдовало бы называть персидскою.

Какъ бы то ни было, а ближайшими сосѣдями за-алтайской породы были первоначально въ Сибири разныя финскія или бѣло-татарскія поколѣнія, извѣстныя въ древности подъ именемъ Масаговъ (*Massagetae*), Мансаковъ и Саковъ (Собака), а въ Туранской Степи — разныя дикія и полуобразованныя поколѣнія персидской породы, которыя нѣкогда назвались Оксанцами, Трансоксанцами, Хоразмами, Бактрами, и такъ далѣе. Къ ближайшимъ сосѣдямъ нужно еще причислить поколѣніе тибетское, помѣсь за-алтайской породы, съ индѣйскою, которая только — отрасль и измѣненіе персидской, или азійско-западной. Если, по толку нѣкоторыхъ мудрецовъ за-алтайскаго края, Черный-Князь, *Кара-Ханъ*, былъ въ сказаніяхъ представителемъ мѣстной, коренной, черноволосой поро-

ды, то братья его, *Узъ*, *Гезъ* и *Гиъзъ*, должны необходимо быть олицетвореніями племенъ финскаго, персидскаго и тибетскаго. Къ этому явственно клонится повѣсть, приводимая въ книгѣ господина Березина.

У Чернаго-Князя, собственно Злаго Начала, а иносказательно праотца черныхъ людей Степи, былъ сынъ, *Вѣдро-Царь* (Aether), или Молнія-Царь, или Громъ-Царь. Когда ему было только годъ отъ роду, родитель справилъ пиръ по случаю обряда нареченія имени ребенку. Но малютка Вѣдро-Царь, будучи въ то же время и молніей и громомъ по званію своему ээира, вдругъ самъ разразился — прогремѣлъ: Я Вѣдро-Царь! Я *Окузъ-Ханъ*. Всѣ гости Чернаго-Князя ужасно удивились, что такой крошечный ребенокъ, существо почти непримѣтное, говоритъ самъ собою и такъ громко. Вѣдро-Царь, выросши и возмужавъ, былъ удивительный богатырь и молодецъ собою. Желая имѣть внуковъ, Черный-Князь женилъ его сперва на дочери брата своего, Уза (на дѣвушкѣ финскаго или сибирскаго племени); она была красавица, но не сошлась съ мужемъ въ его религіозныхъ понятіяхъ, и онъ оставилъ ее. Затѣмъ Черный-Князь выдалъ за него дочь другаго брата, Геза (представительницу западной или персидской крови въ Туранѣ). И эта была чудо-красавица, но никакъ не понимала особенной религіи Вѣдра-Хана. Они развелись. Тогда Вѣдро-Ханъ, который видно былъ отчаянный ээиристъ, выбралъ самъ себѣ невѣсту. Отправившись однажды на охоту, вѣроятно въ Тибетъ, онъ проѣзжалъ случайно мимо воротъ

Гиза, третьяго брата батюшки Чернаго - Князя. Дочь этого дяди сидѣла надъ водопроводной канавкою. Вѣдро-Царь былъ пораженъ ея красотою и немедленно предложилъ ей руку, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы она согласилась принять его вѣру. Дѣвушка, какъ Тибетянка, превосходно понимала всѣ тонкости ээира, и съ радостью приняла предложеніе. Вѣдро-Царь женился. У нихъ явилась великая дружба и любовь, и, усердно послѣдуя ээиризму, они скоро прижили шесть прекрасныхъ сынковъ, Солнце - Царя, Луну - Царя, Звѣзду - Царя, Небо - Царя, Гору - Царя (Землю) и Море - Царя. Всѣхъ этихъ малютокъ называли они по-турецки, и очень жаль, что господинъ Березинъ не перевелъ именъ ихъ на русскій языкъ. Это не представляло ни малѣйшаго затрудненія, а придало бы совсѣмъ другой видъ сказанію.

Видя такія блистательныя послѣдствія ученія сына ээириста, злой Черный-Князь рѣшился убить его и пошелъ на него войною, но самъ погибъ въ сраженіи. Вѣдро-Царь овладѣлъ всѣмъ его улу-сомъ, всѣмъ царствомъ земли.

Изъ этого простаго, естественнаго изложенія повѣсти, съ переводомъ собственныхъ именъ, каждый видитъ, что рѣчь здѣсь не объ историческихъ фактахъ, но объ идеяхъ, о вѣрахъ и волненіяхъ древняго міра. *Окузъ-Ханъ*, какова бы ни была этимологія его имени, очевидно и положительно — aether, ведро, Перунъ, Юпитеръ. Примѣчательно, что и западное баснословіе сохраняло, въ мифѣ о войнѣ Титановъ съ Юпитеромъ и о побѣдѣ его надъ этими великанами, точно такое

же воспоминаніе о прежнемъ господствѣ на землѣ религіи дуализма, или шаманства, и о торжествѣ надъ нею позднѣйшей теоріи матеріальнаго ээира, вѣры въ Юпитера, въ Живбога, въ Хормузду, или пантеистическаго многобожія. Миѣъ объ одноглазомъ Полифемѣ, котораго уничтожилъ Улиссъ хитростью, ясно показываетъ, что вѣру стариннаго Геркулеса, Одинна, одноглазаго бога, или «безсмертнаго» кудесника, овладѣвшаго небомъ, древніе почитали остаткомъ или особеннымъ видомъ до-юпитеровой вѣры, дуализма, шаманства. Ээиристы приняли къ себѣ Геркулеса, гдѣ въ полу-боги, гдѣ въ полные боги, передѣлавъ его на другой ладъ; потому-что пантеизмъ по существу своему не отвергаетъ никакого вида божествъ. Но ясно изъ всего баснословія, восточнаго и западнаго, что вѣра Геркулеса и Одинна связывается непосредственно съ древнѣйшею вѣрою царя-Дновидца и Чернаго-Князя, Бѣль-бога и Чернобога, что она предшествовала вѣрѣ Ээира-Юпитера, боролась съ этимъ новымъ ученіемъ, и была наконецъ побѣждена имъ.

Не нужно и говорить, что у мусульманскихъ пересказчиковъ за-алтайскихъ сказаній вѣрою Вѣдра-Царя была вѣра магометанская, вѣра въ Аллаха, *исламъ*. Буддисты, съ другой стороны, переиначили это обстоятельство по-свѣдому. Но для проникательной и осторожной критики, которая не ищетъ исторіи тамъ, гдѣ ей быть не должно, гдѣ никто о фактахъ и не думалъ, не трудно разобратъ этотъ хаосъ при помощи нужныхъ сближеній.

Не одно это обстоятельство, борьба древнѣйшаго ученія съ послѣдующимъ, дуализма съ пантеизмомъ, повторяется и въ восточныхъ и западныхъ сказаніяхъ. Мы сейчасъ увидимъ еще болѣе поразительныя точки единомыслія за-алтайской степи со степью черноморскою и со всею западною Скиеіей.

Вѣдро-Царь далъ сыновьямъ своимъ золотой лукъ и три золотыя стрѣлы. Кто разломаетъ лукъ, тому и царствовать надъ прочими, завѣщалъ онъ. Три старшіе сына разломали лукъ: имъ и досталось на долю право *володѣть*. Три младшіе раздѣлили между собою стрѣлы, и стали ихъ холопами. Нельзя не видѣть, что здѣсь къ Вѣдру-Царю отнесено, съ небольшимъ измѣненіемъ, то же самое преданіе, которое Скиеы, по свидѣтельству Геродота, рассказывали о Геркулесѣ. Геркулесъ, полѣсской или древлянской своей супругѣ наказалъ, отдать золотой лукъ его, и тетиву отдѣльно, тремъ сынамъ, прижитымъ съ нею въ то время, когда гонялся онъ повсюду за кобылами, сбѣжавшими со двора въ лѣсъ. Разумѣется, что лѣсъ и во время Геродота росъ только тамъ, гдѣ лѣсъ рости можетъ, въ своемъ природномъ мѣстѣ, на Полѣсѣѣ. Если геологія оказала человѣчеству какую-нибудь положительную услугу, такъ это безспорно тѣмъ, что привела въ совершенную ясность физическую, неспособность черноморской почвы къ произращенію деревьевъ и этимъ положила конецъ отыскиванію Геродотова Полѣсѣя, Нулаеа, на Ахилловомъ Ристалищѣ, то есть на черноморской равнинѣ и въ Перекопской Степи. Полѣсье

находилось всегда на Полѣсьѣ, и нигдѣ болѣе находиться не могло — въ странѣ существенно гѣсной, въ землѣ Древлянѣ, Полешанѣ, Ятвяговѣ — *Polexani, Jatwingi, Jati* — несомнѣнныхъ Готовъ, отъ Анахарсиса, *Anahars*, до весьма поздняго времени. Но гдѣ бы Полѣсье ни предполагалось, дѣло въ томъ, что Геркулесъ поручилъ своей супругѣ, дочери Днѣпра-Рѣки и Юпитера, заставить трехъ сыновей, когда они выростутъ, навязывать лукъ его, и тѣхъ, которые не смогутъ, выгнать изъ Скиѣи — а тому, кто согнетъ лукъ и надѣнетъ тетиву, передать царство той земли. На основаніи этого распоряженія, царство Скиѣи и досталось младшему сыну, Сколоту, или Щиту, *Skoldus*, полѣсному Готу, а два брата его, *Agathurs* (Страхъ-великанъ), то есть дунайскій Готь, и *As* (Ясный), то есть волжскій Готь, ушли изъ Скиѣи въ далекія страны, одинъ въ Гетію, а другой въ землю Вудиновъ, нынѣшнихъ Вудовъ, или Вотяковъ — въ Асгардъ или Асбургъ, а въ буквальномъ греческомъ переводѣ *Gelonos teichos*, Крѣпость Ясна, или Ясно-городокъ — впоследствии Великіе Болгары. Отъ трехъ сыновъ Сколота произошли три подвластные царствующимъ Щитамъ племени, по-видимому славянское, гальское или волошское, и финское.

Какимъ образомъ могли преданія эти сообщиться съ конца сѣверной Европы въ конецъ восточной Азіи? Если пускаться въ гипотезы, то самымъ простымъ предположительнымъ средствомъ къ объясненію можно принять присутствіе Македонцевъ въ Бактрианѣ, Бедехшанѣ и въ оазисахъ

туранской степи. Отъ нихъ Турки могли заимствовать много западныхъ легендъ и передать ихъ въ за-алтайскій край. Можно было бы даже указать на то, что у Вёдра-Хана былъ очень умный визирь, который самовластно распоряжался всѣмъ, какъ Одиннъ (скиѳскій Геркулесъ) у Перуна, или Тора. По странному случаю, визирь этотъ назывался *Иракыль-Ходжа*, какъ у Грековъ назывался Геркулесъ, *Иракль*. Неужели это въ-самомъ-дѣлѣ *Геркулесъ-Хозяинъ*? Но если сходство миеологическихъ лицъ поразительно, то ужъ навѣрное сходство ихъ именъ совершенно случайно.

Послѣ кончины Вёдра-Царя, правленіе досталось Солнцу-Царю, *Кунъ-Ханъ*. Но Солнце-Царь видно не любилъ обременять себя дѣлами Земли; жилъ высоко, за облаками, а въ нижнемъ улусѣ его, пожженномъ его лучезарнымъ взглядомъ, или окостенѣвшемъ въ его отсутствіе, перебивался какъ могъ визирь покойнаго отца, рѣченный Геркулесъ-Хозяинъ — то есть, собственно, Иракыль-Ходжа, безъ всякихъ уподобленій.

Луна-Царь, *Ай-Ханъ*, вступившій на престолъ по смерти Солнца-Царя, былъ несравненно кротче и милосерднѣе своего знаменитаго брата и предшественника. Состарѣвшись, Луна-Царь назначилъ своимъ каймаканомъ, намѣстникомъ, Звѣзду-Царя. При немъ весь улусъ былъ доволенъ. Звѣзда-Царь отличался справедливостью, руководилъ всѣхъ вѣрно, отлично зналъ астрологію. Въ Степи водворился рай подъ управленіемъ добраго и благополучнаго Звѣзды-Царя.

Небо-Царь, *Кукъ-Ханъ*, ихъ наслѣдникъ, про-

славился благолѣпіемъ и благонравіемъ. Съ улусомъ обходился хорошо.

Но Гора-Царь, *Тагъ-Ханъ*, былъ препустой ханъ: ни травы ни воды при немъ не было. Скотъ умиралъ съ голоду.

Зато преемникъ его Море-Царь, *Тингизъ-Ханъ*, слѣдовалъ въ управленіи обычаю предковъ и уставъ исполнялъ хорошо. Жилъ Море-Царь *стольтъ*: это много!... Когда же состарѣлся и сталъ немощенъ, то ушелъ прочь и засѣлъ въ уголку, гдѣ-то далеко, за Маньджурией. Геологія называетъ царствованіе Моря-Хана катаклизмомъ, великимъ переворотомъ, наводненіемъ материка.

Послѣ чего возсѣлъ на престолъ Степи Людъ-Царь, *Иль-Ханъ*. Людъ-Ханъ былъ опытный мужъ и очень свѣдущій, но въ его царствованіе пошли безпорядки. Въ улусѣ явились ссоры, несогласія. Уряду никакого не было. Туркъ разладилъ съ Монголомъ и вошелъ въ сношенія съ Тураномъ, гдѣ царствовала тогда коварный Туръ-Ханъ. Татары пристали къ Туру, и положили основаніе всѣмъ бѣдствіямъ Степи.

Предводителя татарскаго народа звали обыкновенно Татаръ-Ханомъ, но собственное имя его было Самолюбъ-Царь, *Севиниджъ-Ханъ*.

«Когда Туръ вышелъ на Людъ-Царя, монгольскій народъ, довольный и признательный Людъ-Царю, дрался чрезвычайно хорошо и побилъ много рати у Тура съ Татаромъ. Во время битвы Татаръ съ Туромъ прибѣгли къ коварству: побѣждали на нѣсколько верстъ назадъ. Людъ-Царь погнался за ними. Вечеромъ обѣ рати останови-

«лись для ночлега. Вдругъ Туръ съ Татаромъ «учинили ночное нападеніе и, волею Аллаха, раз- «били Людъ-Царя, его самого умертвили и весь «народъ монгольскій уничтожили. (Это, явствен- «но, исторія баснословнаго истребленія людей при «Девкаліонѣ). Спаслись только сынъ да внукъ его, «съ супругами, а именно, Воздухъ-Царь и одинъ «сынъ Плоти-Царя, *Кіятъ-Ханъ* съ *Ногузъ-Ханомъ*. «Они были въ тылу всего войска, поскорѣ поса- «дили женъ своихъ на лошадей и о полуночи пу- «стились въ бѣгство. На зарѣ, прибыли они къ «высокой горѣ, которая верхушкою достигала до «небеснаго свода. Съ великимъ бѣдствованіемъ, «страданіемъ и злополучіемъ, отъ страху душев- «наго, взбирались они отъ подошвы на верхніе «утесы этой горы. А называлась гора та Узгене- «Конъ. Много было здѣсь долинъ съ травой, и «много родниковъ, и деревьевъ съ плодами, и, со- «твореніемъ Аллаха, на вершинѣ находился пріютъ «для житья. Они прожили тамъ многіе годы; у нихъ «родились дѣти, и набралось довольно имѣнья. Отъ «роду ихъ пошли племена, а отъ племенъ поколѣ- «нія. Каждому дали они имя. Всѣ, которые роди- «лись отъ Кіятова рода, отъ кости Воздуха-Царя, «тѣхъ и назвали Воздушными, *Кіятъ*, а которые — «отъ сына Плоти-Царя, то племя наименовали Сѣ- «мяннымъ, *Дирлигинъ*.

«Когда стало много племенъ, поколѣній, имѣнья, «нельзя уже было долѣе жить въ тѣхъ горахъ. «Пошли на равнину. Но на дорогѣ была гора, ко- «торая состояла вся изъ желѣзной руды. Поду- «мавъ, сказали: надо расплавить эту руду, такъ

«пройдемъ далѣе. Сказавъ, собрали много дровъ, «собрали много сѣры и смѣшали съ дровами. Сдѣлали собственнымъ вымышлениемъ девять сотъ мѣховъ изъ кожъ онагровыхъ и стали раздувать. Огонь пошелъ въ гору. Много было хлопотъ, однако часть горы расплавили, и открылся проходъ. Вотъ вышли въ чистую степь и отыскивали кочевья и земли отцовъ. Многіе изъ китайскаго народа присоединились къ нимъ».

Не трудно узнать въ этомъ грубомъ разсказѣ, исковерканномъ немилосердо въ «Книгѣ о родѣ Шейбани», знаменитое преданіе Алтая о древнемъ существованіи, у подошвы этой цѣпи, съ сѣверной стороны, промышленнаго народа Кузнецовъ, славившагося превосходствомъ своихъ желѣзныхъ издѣлій, и котораго могилы показываютъ тамъ донинѣ. По нѣкоторымъ сказаніямъ этотъ сибирскій Бирмингамъ основанъ былъ однимъ поколѣніемъ, подвергшимся наказанію за мятежь и сосланнымъ изъ степи въ алтайскія ущелія для обработки желѣзной руды. Но какъ мѣсто жительства этого народа Кузнецовъ полагали уже въ Сибири, по-сю сторону горъ, то слѣдуетъ заключить, что самыя старинныя и подлинныя сказанія относили его къ финскому племени. Такое же преданіе находимъ мы и въ древней Скиѣи. Такъ называемыя скандинавскія, то есть собственно готскія саги, сохранныя Исландцами, провозглашаютъ необычайное искусство одной части Финновъ въ кузнечномъ и оружейномъ дѣлѣ, а другой въ золотопромышленности. Ни одинъ славный готскій герой не выходитъ на воинскіе по-

двиги, не вооружась мечомъ, шлемомъ, панцыремъ и стрѣлами настоящей финской работы. Какъ Финны слыли въ то же время страшными колдунами, то оружейныя издѣлія ихъ пользовались тѣмъ большею репутаціей въ Скиѳіи и Скандинавіи, что, при отличной отдѣлкѣ и прочности, они бывали еще превосходно наколдованы — защищали сверхъестественною силою отъ вражѣхъ ударовъ и хитростей — и наносили вѣрную смерть врагу. Кузнечное или, точнѣе, слесарское, инструментное дѣло было такимъ отличительнымъ ремесломъ финскаго племени въ Скиѳіи, какъ хлѣбопашество — ремесломъ славянскаго, а плаваніе по рѣкамъ и морю въ военныхъ лодкахъ — ремесломъ готскаго. Отсюда приводимое Геродотомъ сказаніе Сколдовъ, или Щитовъ, о началѣ скиѳскаго народонаселенія, назначаетъ первому человѣку-великану, *Dar Gita*, трехъ сыновъ, *Kolaska*, *Лодочника*, *Heiposka*, *Хлѣбника*, и *Harposka*, *Инструментщика*, *слесаря*, или *оружейника*. Если бы можно было получить подлинное, старинное, подробное преданіе за-алтайской степи о поколѣніи сибирскихъ Кузнецовъ, вмѣсто этого сокращеннаго, перевернутаго, безпощадно обезображеннаго мусульманскими руками, то вѣроятно оказалось бы удивительное согласіе между повѣстью крайняго Востока и повѣстью европейскаго Сѣвера.

Здѣсь оканчивается общая космогонія и геологія за-алтайскихъ племенъ. Далѣе начинается прямая родословная Монгола Чингисхана. Но и эта вторая часть сказанія, уже гораздо менѣе занимательная, не болѣе первой занимается ис-

торическими фактами. Она также—символическая, также основана на теорическихъ идеяхъ языческой мудрости. Особенно интересно въ ней то, что здѣсь опять повторяются извѣстная еракійско-греческая теорія рожденія Ахиллеса, человѣка-великана, получившаго чудный щитъ съ неба; скиѣская теорія о рожденіи Таргиты-Сколда, или Великана-Щита, и другія.

По ученію Скиѣовъ, болѣе или менѣе вѣрно пересказываемому Геродотомъ, первый Щитоносецъ родился на Полѣсьѣ, въ лѣсахъ древлянскихъ, на берегахъ Днѣпра - Рѣки и дочери этой рѣки отъ Юпитера. Это явственно происходило близъ впаденія Припети, потому - что и самое названіе Припети—по-гречески *Panticapes* относится къ таинствамъ Венеры, какъ *vaginae gegum*. Дочь Днѣпра-Рѣки и Юпитера была существо *дву-природное*, въ верхней части тѣла женщина-красавица, а въ нижней змѣя, то есть Нереида, подобно Фетидѣ, дочери Ахилла, которая также превращалась въ змѣю по желанію. Къ этой Змѣѣ-Красавицѣ пожаловалъ въ гости Геркулесъ (Одиннъ). Онъ пришелъ на Полѣсье по дѣлу, о которомъ писано выше.—Зачѣмъ ты здѣсь? что тебѣ угодно? стыдливо спрашиваетъ Змѣя - Красавица. — Ничего! такъ! ищу своихъ кобылъ. Кобылы мои сбѣжали съ конюшни въ твои лѣса. Пожалуйста, отдай мнѣ моихъ кобылъ. — Не отдамъ! Я—владычица всей этой земли, и все, что въ ней—мое.... А впрочемъ.... если согласишься остаться у меня и быть мнѣ мужемъ.... тогда все у насъ будетъ общее и кобылы могутъ опять быть твоими. — Геркулесъ

викогда не отказывался отъ женитьбы. Онъ принялъ предложеніе, и отъ этого брака, по сказанію полѣсскихъ Скиоовъ, родился *Великанъ*, Готъ, Ятъ праотець Ятвинговъ, *Dag Gita* (по-датски *Jette*) получившій щитъ, *gus, güs*, и лукъ, въ наслѣдство отъ Геркулеса, а по толкамъ Скиоовъ черноморскихъ и разсказамъ тамошнихъ Грековъ, Лодочникъ, *Kolaska*, съ братьями *Хлѣбникомъ* и *Оружейникомъ*.

Въ за-алтайской повѣсти о первомъ предкѣ Чингисхана ма находимъ совершенно то же самое сказаніе. И вотъ теорія его рожденія.

Изъ поколѣнія таинственныхъ Воздушныхъ, *Кіятъ*, родилась дѣвушка чудной красоты, по имени *Илан-гоа* или, точнѣе, *Блан-гоа*. Г. Березинъ превосходно объясняетъ значеніе второй части этого составнаго имени: *гоа*, турецкая форма отъ монгольскаго слова *гое*, значитъ—прекрасная женщина, красавица. Но зачѣмъ же читаетъ онъ первую половину имени *аланъ*, а не *иланъ*, когда *аланъ* не представляетъ никакого смысла ни на турецкомъ ни на монгольскомъ языкѣ и когда, по татарскому правописанію, можно читать *иланъ* совершенно правильно? *Иланъ*, напротивъ, значитъ—змѣя. Полное имя представляетъ смыслъ: Змѣя - Красавица. Вотъ мы и въ за-алтайской степи находимъ древлянскую Змѣю - Красавицу! Вся скиоеская и скиоогреческая теорія — тутъ. Это сходство понятій двухъ такихъ отдаленныхъ странъ могло бы быть подозрительнымъ, если бы оно составляло единственный случай: но мы уже

видѣли много точекъ единогласія восточно-азійскихъ сказаній съ сѣверо-европейскими. Впрочемъ дальнѣйшія подробности за-алтайскаго сказанія еще болѣе подтверждаютъ тождество его съ скиѳо-греческимъ миеомъ о Сколдѣ - Великанѣ и объ Ахиллѣ.

Илангоа, Змѣя-Красавица, выдана была замужъ за Добунъ - Баяна. Еслибъ было время и мѣсто, я охотно занялся бы этимъ Добуномъ, чтобы удостовѣрить издателя и переводчика джагатайской книги, что въ немъ не должно искать ничего историческаго — что онъ такое же миеическое лицо, какъ и супруга его Илангоа — и въ точности соотвѣтствуетъ великому Бриму или Албриму сѣверо-европейскихъ сказаній. Но я спѣшу окончить. Несчастная Змѣя-Красавица, вышедши за этого уroda, заклятаго врага Перуна и всего ээирнаго, много горевала и плакала, но, наконецъ, какъ-то отъ него отдѣлалась. Джагатайская книга очень не ясна въ этомъ отношеніи. Достоверно только то, что у нихъ не было дѣтей и ничего подобнаго. Вдругъ, когда она стала свободна и, отъ таинственнаго посѣтителя изъ неземныхъ существъ, у Змѣи - Красавицы разомъ родились три сына, Юкунъ, Бузгинъ и Бузанджаръ, отъ которыхъ произошли три народа Степи: Катаканцы, Саладжюты и Нируны, точно такъ же, какъ на Полѣсѣ отъ Хлѣбника, Оружейника и Лодочника произошли три народа Скиѳии. И подобно какъ въ Скиѳии царство досталось младшему, Бузанджару, и его роду, а потомки двухъ старшихъ братьевъ стали ему холопами.

Ученый казанскій ориенталистъ почитаетъ Бузанджара несомнительнымъ историческимъ лицомъ. Геродотъ, съ своей стороны, признавалъ совершенно историческимъ лицомъ Лодочника, Kolaskaïs, который во всей точности соотвѣтствуетъ Бузанджару.

Шесть первыхъ наслѣдниковъ Бузанджара, мнимыхъ предковъ Чингисхана, не заслуживаютъ никакого вниманія со стороны исторіи. Всѣ они—баснословные потомки баснословнаго предка; или сказочные герои, или олицетворенія державъ, существовавшихъ въ Степи въ прежнія времена.

Настоящая историческая генеалогія Чингисхана начинается только съ дѣла его, Бартапа или, еще вѣрнѣе, съ отца его, Исукая.

Остальное вовсе нелюбопытно. Изъ всей жизни Чингисхана узбекскому автору «Книги о родѣ Шейбани» интереснымъ показалось только одно: анекдотъ о томъ, какъ монгольскій герой, въ молодости, во время охоты, былъ схваченъ предводителемъ поколѣнія Табуджи; какъ ему надѣли на шею колодку и заперли его въ сарай; какъ онъ спасся оттуда, прятался отъ поисковъ и съ колодкой сидѣлъ въ водѣ озера; какъ наконецъ воротился въ своей улусъ. Отсюда авторъ переходитъ прямо къ исчисленію женъ и сыновей Чингисхана, а отъ сыновей къ длинному и сухому ряду потомковъ одного изъ нихъ, именно, Джучія, отца Батыя и Шейбана.

Изъ всей этой части книги одно только можетъ русскому читателю представлять нѣкоторую за-

нимательность, а именно, что по словамъ узбекскаго историка, большаго любителя анекдотовъ, Россія была завоевана Монголами *по ошмбкль* и совершенно *противъ воли Чингисхана*. Послѣ покоренія Бухаріи и всей туранской степи, Джучію нѣчего было дѣлать въ джагатайской области и онъ, безъ вѣдома отца, пошелъ съ состоящими подъ его командой Турками далѣе на западъ и завоевалъ черноморскую степь. Чингисханъ, узнавъ объ этой шалости сына, страшно разсердился на него за такое нарушеніе дисциплины, до того, что готовъ уже былъ идти на него изъ Монголіи со всѣми силами и убить какъ ослушника. Зачѣмъ ужъ не пошелъ!

Въ числѣ разнообразныхъ и любопытныхъ приложеній къ переводу «Книги о родѣ Шейбани» нельзя не отличить особенною почестью трехъ разсужденій г. Дорджи Банзарова, природнаго Монгола, который прекрасно пишетъ по-русски и владѣетъ приѣмами исторической и филологической критики точно какъ германскій гелертеръ. Это ученое явленіе чрезвычайно интересно. Оно доказываетъ, что монгольское племя равно способно запутывать и распутывать исторію, разрушать и просвѣщать вселенную. Г. Дорджи Банзаровъ старается объяснить со свѣденіями и рѣшить съ авторитетомъ Чингисханова потомка, нѣкоторые темные, спорные вопросы оріентальной эрудиціи, особенно два слѣдующіе: что собственно значитъ слово *Чингизъ* и почему этотъ титулъ былъ принятъ знаменитымъ завоевателемъ? —откуда взялось и что значитъ слово *Монголь*?

Г. Дорджи Банзаровъ находитъ очень ученые и уважительные поводы думать, что *Монголь* значитъ просто Монъ-рѣка: *Монъ* — названіе известной горы, особенно почитаемой Чингисханомъ; *голь* — рѣка; и что поколѣніе или родъ его принялъ это названіе потому, что первоначально жилъ при рѣкѣ *Монголь*. Доказательства г. Дорджи Банзарова совершенно благовидны, но, для основательности ихъ, нужно было бы удостовѣрить въ то же время, что такая рѣка дѣйствительно существуетъ или существовала на землѣ. Географія не знаетъ ея. Исторія никогда объ ней не говорила. Я готовъ думать, что Монголы вѣка Чингисхана вѣрнѣе понимали этотъ вопросъ, произнося названіе его державы *Мунг-голь* и производя слово это отъ *мунгъ*, сердитый. Это значеніе было такъ для нихъ несомнѣнно, и такъ твердо принято въ тогдашней монгольской дипломатикѣ, что и Китайцевъ, ими покоренныхъ, заставили они перевести свой династическій титулъ словомъ *юань*, сердитый. Палата Церемоній, которой важное дѣло о переводѣ титула династїи было поручено по принадлежности, не могла сдѣлать этого безъ подлинныхъ и офиціальныхъ основаній. Окончаніе *голь*, въ словѣ *мунг-голь*, можетъ быть особенностью діалекта, пользовавшагося политическимъ перевѣсомъ или случайною модою при первоначальномъ дворѣ завоевателя. Въ крайнемъ случаѣ, оно не болѣе необычайно въ словѣ *мунг-голь*, какъ и въ словахъ *кара-голь*, *караулъ*, *иса-голь*, *есаулъ*, *ира-голь*, *эрта-голь*, и тому подобныхъ, разборъ которыхъ удостовѣряетъ, что оно въ то

время равно употреблялось въ Степи и съ монгольскими и съ турецкими рѣченіями.

Что касается до задачи о значеніи слова *Чингисъ* или *Чингизъ*, то г. Дорджи Банзаровъ рѣшаетъ ее различными доводами, которые приводятъ его къ тому заключенію, что титулъ *чингисъ* равносильнъ китайскому титулу *хуанди* — верховнаго владыки. Но я не вижу для монгольскаго героя никакой нужды выдумывать себѣ титулъ сомнительнаго происхожденія и смысла, когда въ его племени, во всей Степи, и во всѣхъ языкахъ ея, искони существовали титулы *ханъ* и *хаганъ*, которые степная гордость ставила всегда наравнѣ съ китайскимъ *хуанди*, если еще не выше его. Г. Дорджи Банзаровъ справедливо не забываетъ и того обстоятельства, что одно изъ божествъ Степи называлось *Чингисъ*. Но этого совершенно достаточно. Остальное объясняется обыкновениемъ Китая, образца политическихъ модъ для Степи, придумывать, кромѣ общаго титула для всей династїи, еще особенный титулъ для cadaго царствованія. Темуджинъ, принимая титулъ *Чингисъ-хана*, просто, поставилъ себя и свое царствованіе подъ покровъ божества, *Чингисъ* называемаго. Обычай заимствовать царскія наименованія отъ названій божествъ былъ общій въ Азіи, въ Скиѣи, въ греческой древности, во всемъ язычествѣ. Понятно, что потомкамъ Чингисхана, принявшимъ вѣру Магомета, непріятно было въ главномъ имени великаго предка присутствіе шаманскаго термина, и что они старались забыть его поганое значеніе. Съ-тѣхъ-поръ монгольскіе и турецкіе

филологи употребили всё мѣры своего остроумія и ханжества, чтобы объяснить слово *Чингисъ* какъ-нибудь иначе и успѣли запутать вопросъ до степени той темноты, къ которой уже и вся европейская ученость не можетъ ничего прибавить.

1850.
